

Ф.Г. Тернер

**Свобода совести и отношения
государства к церкви**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Ф11

Ф11 **Ф.Г. Тернер**
Свобода совести и отношения государства к церкви / Ф.Г. Тернер – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 58 с.

ISBN 978-5-458-07408-7

ISBN 978-5-458-07408-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чало вмѣшательства гражданской власти въ дѣла церковныя и соединеннаго съ нимъ насилія въ духовныхъ вопросахъ проникло въ христіанскую жизнь и постепенно укоренялось и развивалось въ ней.

I.

Государственное вмѣшательство и внѣшнее понужденіе начинаютъ вторгаться въ христіанское общество вскорѣ послѣ признанія христіанской религіи римскимъ государствомъ.

Въ началѣ это признаніе произошло на основаніи полной вѣротерпимости. Въ 312 году императоръ Константинъ вмѣстѣ съ соправителемъ Ликиніемъ издали „едиктъ“, въ которомъ постановлялось, „что каждый свободенъ исповѣдовать начала той религіи, которую онъ признаетъ за истинную“. — Высказывался открыто въ пользу христіанства и называя въ публичныхъ документахъ язычество — суетвѣріемъ, императоръ Константинъ никогда однако не прибѣгалъ къ понудительнымъ мѣрамъ для обращенія язычниковъ въ христіанство, хотя и принималъ нѣкоторые мѣры стѣсненія относительно обрядовъ языческаго культа; такъ напр. онъ воспретилъ публичныя жертвоприношенія языческимъ богамъ. Но, соблюдая вѣротерпимость относительно отдѣльныхъ религій, онъ прямо отступаетъ уже отъ этого начала по отношенію къ христіанскимъ сектаторамъ. Увлеченный своею ревностію къ сохраненію единенія въ церкви, онъ рѣшился на принятіе разныхъ карательныхъ мѣръ, противъ лицъ нарушавшихъ это единеніе, т. е. противъ послѣдователей ереси Арія. ¹⁾ При преемникѣ его Констанціи начало вѣротерпимости впадаетъ въ совершенное забвеніе. Точно также, какъ прежде христіанство подвергалось гоненіямъ, теперь воздвигаются гоненія на язычество. Констанцій предписалъ закрытіе всѣхъ языческихъ храмовъ, съ запрещеніемъ кому либо входить въ нихъ; виновные въ нарушеніи закона, воспрецаившаго жертвоприношенія, должны были подвергаться смертной казни и конфискаціи имущества. Далѣе, подѣ угрозой смертной казни,

¹⁾ Какъ велика была опасность, которая угрожала въ будущемъ церкви отъ подобнаго вмѣшательства государства въ духовныя дѣла и догматическіе вопросы, оказалось нѣсколько времени спустя, когда то-же императорское правительство высказалось въ пользу Арія и обратило преслѣдованіе на истинную церковь.

было воспрещено почитаніе языческихъ изображеній. Кромѣ того, множество языческихъ храмовъ было разрушено, накопленные въ нихъ сокровища были переданы частію въ христіанскія церкви, а частію розданы приближеннымъ и придворнымъ императора. Всѣ эти мѣры насилія встрѣчали полное одобреніе въ значительной части тогдашняго христіанскаго общества. Пока принадлежность къ христіанской вѣрѣ, не предоставляя никакихъ вещественныхъ преимуществъ, вызывала только гоненія и общала одни страданія, присоединеніе къ христіанству могло происходить только на основаніи внутренняго, духовнаго убѣжденія людей; но съ тѣхъ поръ, какъ христіанство сдѣлалось господствующею религіею въ имперіи и когда переходъ въ христіанство сдѣлался путемъ къ почестямъ и достиженію богатства, ¹⁾ съ тѣхъ поръ къ христіанству многія стали присоединяться изъ-за менѣе чистыхъ побужденій и тѣмъ самымъ какъ бы переносить заразу языческихъ понятій въ среду христіанства. Понятіе о тѣсной связи государства съ національною религіею и съ національными богами и о необходимости огражденія государственной религіи внѣшними карательными мѣрами было господствующимъ понятіемъ во всѣхъ языческихъ государствахъ. Можно ли послѣ того удивляться, что когда настало время перехода язычниковъ въ христіанство массами, вмѣстѣ съ ними должно было проникнуть въ христіанскую среду сѣмя этого языческаго понятія (о правѣ гоненія на иновѣрныхъ).

Въ средѣ христіанства возвышались однако отдѣльные голоса, которые смѣло и открыто порицали подобный образъ дѣйствія правительства, объясняя, что стремленіе содѣйствовать развитію христіанства внѣшними мѣрами приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы христіанству, и отстаивая тѣ чистыя начала свободы совѣсти и свободы вѣроисповѣданій, которыя во времена прежнихъ языческихъ императоровъ были высказаны представителями христіанства. Такъ напр. Иларій обращался къ императору Констанцію съ слѣдующими словами: „златомъ государства обременяете вы Святнюю Божію и то, что извлечено изъ языческихъ храмовъ или добыто посредствомъ конфискаціи и собрано путемъ

¹⁾ Августинъ замѣчаетъ по поводу 26 ст. VI гл. Ев. отъ Іоанна: «сколько такихъ, которые ищутъ Іисуса только для того, чтобы получить отъ Него мірскія блага. У одного процесъ и онъ ищетъ заступничества священника, другой притѣсняется сильнымъ и ищетъ защиты у церкви... Какъ рѣдко ищутъ Іисуса изъ-за самаго Іисуса.»

наказаній, вы навязываете Богу“ (с. Constant. imperator. lib. с. 10). Тотъ-же Иларій писалъ: „миръ въ церкви нельзя возстановить иначе, какъ дарованіемъ всѣмъ возможности жить по своему убѣжденію безъ всякаго рабскаго понужденія. Еслибы понужденіе было производимо даже въ пользу истинной вѣры, то епископы возразили бы вамъ: Богъ Владыка міра, Онъ не нуждается въ вынужденномъ послушаніи; Онъ не требуетъ вынужденнаго исповѣданія; Онъ хочетъ не лицемѣрія, а истиннаго почитанія.“¹⁾ Св. Аѳанасій по поводу гоненій, воздвигаемыхъ противъ послѣдователей истиннаго христіанскаго ученія, пишетъ: „Это служить доказательствомъ, что они сами не увѣрены въ своей вѣрѣ, — когда они употребляютъ насиліе и понуждаютъ людей противъ ихъ воли. Такимъ образомъ сатана, потому что въ немъ нѣтъ истины, вторгается съ сѣкирой и мечемъ туда, куда его выпускаютъ. Спаситель же кротокъ; Онъ спрашиваетъ въ своемъ ученіи: „кто хочетъ послѣдовать за Мною, кто хочетъ быть Моимъ ученикомъ?“²⁾, но Онъ не понуждаетъ никого изъ тѣхъ, къ которымъ Онъ обращается. Онъ ударяетъ только во дверь, глаголя душѣ: „отверзи ми, ближняя моя,“ (Пѣснь Пѣсней 5, 2) и если Ему отворятъ, то Онъ входитъ. Гдѣ же Его не выпускаютъ, отъ тѣхъ Онъ отвращается, ибо истина превозглашается не мечомъ, не копьемъ, не силою войска, но путемъ убѣжденія и назиданія, а можетъ ли быть рѣчь объ убѣжденіи тамъ, гдѣ дѣйствуетъ страхъ предъ Кесаремъ? Можетъ ли быть рѣчь о назиданіи тамъ, гдѣ возражающій долженъ ожидать изгнанія и смерти... Истинное благочестіе не понуждаетъ, а убѣждаетъ, ибо Господь никого не понуждалъ, но предоставлялъ выборъ свободной волѣ каждаго, говоря ко всѣмъ: „кто хочетъ послѣдовать за Мною,“ — и вопрошалъ Своихъ учениковъ: „не хотите ли и вы отойти?“ (Hist. Arian. § 3 и § 67).²⁾ Хотя вышеприведенныя слова и были написаны по поводу притѣсненій, которымъ подвергались въ то время христіане, отвергавшіе ученіе Арія, и такимъ образомъ имѣли нѣкоторымъ образомъ характеръ самозащиты со стороны Аѳанасія и Иларія, но все же открытое провозглашеніе этого начала истины не могло не имѣть своего значенія.

Затѣмъ когда, послѣ смерти Іуліана Отступника, христіанская

¹⁾ Allg. Geschichte der christlichen Religion und Kirche, von Dr. A. Neander. II Band I Abth.

²⁾ D. A. Neander, II Band, I Abth.

церковь вновь восторжествовала, предостереженіе противъ употребленія насилія было высказываемо и со стороны членовъ торжествующей церкви. Такъ Григорій Назіанскій совѣтоваль христіанамъ не пользоваться властію, которая перешла теперь въ ихъ руки для воздаянія язычникамъ равнаго равнымъ, т. е. для преслѣдованія ихъ подобно тому, какъ они прежде преслѣдовали христіанъ. „Покажемъ, говорилъ онъ, чему ихъ учать дѣмоны и чему научаетъ насъ Христосъ, который страданіями пріобрѣлъ славу и восторжествовалъ не менѣе тѣмъ, что не сдѣлалъ того, что могъ сдѣлать. Воздадимъ Богу одно благодареніе, распространимъ таинство (т. е. христіанскую вѣру) благодію и на сей конецъ воспользуемся обстоятельствами. Побѣдимъ мучителей правдолюбіемъ.“ (Слово 2 прот. Юліана св. Григорія. Т. I русс. перев.) ¹⁾

При императорахъ Іовіанѣ и Валентиніанѣ продолжала господствовать полная вѣротерпимость. Но послѣ нихъ опять начинаются преслѣдованія язычниковъ. Въ началѣ царствованія императора Θεодосія, Св. Іоаннъ Златоустъ написалъ въ Антиохіи прекрасное сочиненіе о мученикѣ Вавилѣ; онъ указывалъ на божественную силу, съ которою христіанство проникло въ жизнь людей и побѣдило язычество, не смотря на то, что оно отвергаетъ всякое внѣшнее оружіе въ этой борьбѣ, и предсказывалъ совершенное распаденіе язычества вслѣдствіе его собственной безсодержательности и внутренней несостоятельности. Въ этомъ сочиненіи онъ прямо высказываетъ, что „христіанину не дозволено уничтожать заблужденій насиліемъ или понужденіемъ, они могутъ содѣйствовать спасенію людей только путемъ убѣжденія, разумнаго увѣщанія и оказанія услугъ любви.“ ²⁾

Не смотря на эти краснорѣчивыя слова, при Θεодосіи возобновились преслѣдованія, разрушенія языческихъ храмовъ и т. п. Точно также какъ въ восточной, и въ западной части римской имперіи происходили постоянныя колебанія между вѣротерпимостію и системою преслѣдованія язычниковъ и еретиковъ; съ теченіемъ времени послѣдняя система получала все большее преобладаніе и все болѣе укоренялась въ обѣихъ частяхъ имперіи.

¹⁾ См. статью о свободѣ совѣсти въ «Христіанскомъ Читеніи» за 1864 годъ.

²⁾ Neander, Allg. Gesch. Вѣв. бестѣд. на Ев. Матѣ. 47 св. Златоустъ допускаетъ однако возможность лишенія еретиковъ свободы: «Христосъ воспрещаетъ исторгать плелевы, чтобы исторгая ихъ, не истребить вмѣстѣ съ тѣмъ и пшеницы..... Не возбраняетъ Христосъ разгонять скопища еретиковъ, заграждать имъ уста, отнимать у нихъ свободу, но убивать не дозволяетъ.» Христ. Чт. 1865, 435 стр. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ тѣ времена и еретики дѣйствовали насиліемъ.

Пагубная система насилія была возведена наконецъ въ положительную теорію бл. Августиномъ во время споровъ съ до-натистами. Хотя онъ и не отрицалъ, что внѣшняя, вынужденная страхомъ или наказаніями, принадлежность къ церкви еще не превращаетъ человѣка въ истиннаго христіанина, онъ однако утверждалъ, что человѣкъ можетъ быть и внѣшними мѣрами, страданіемъ, подготовленъ къ вѣрѣ и къ спасенію. Онъ указывалъ въ видѣ примѣра на то, что Богъ воспитываетъ людей страданіями и такимъ образомъ приводитъ ихъ къ сознанію истины и къ вѣрѣ, и на родителей, наказывающихъ своихъ сыновей для ихъ же блага, — смѣшивая такимъ образомъ понятія правительственной власти съ понятіемъ власти родительской и даже божественной. Соглашаясь далѣе съ тѣмъ, что все добро истекаетъ изъ свободной воли и что государственныя наказанія не въ состояніи вызвать ни истинно нравственнаго настроенія, ни истиннаго благочестія, онъ однако приходилъ къ заключенію, что подобно тому какъ государство караетъ внѣшнее проявленіе физическаго зла, преступленія, оно должно карать и проявленіе нравственнаго зла, т. е. схизму.

Еслибы допустить начало, что государство не должно заботиться о благочестіи своихъ подданныхъ, которое можетъ быть только результатомъ свободного убѣжденія и что это дѣло должно быть предоставлено внутреннему стремленію cadaго, то изъ этого начала слѣдовало бы заключить, замѣчалъ Августинъ, что государство должно предоставить и всѣмъ порокамъ своихъ подданныхъ полную свободу, чего никто утверждать не станетъ; если же необходимо преслѣдовать убійство, прелюбодѣяніе и всѣ другіе пороки, то почему же не преслѣдовать и дѣйствій противныхъ вѣрѣ? Вся эта аргументація была очевидно основана на смѣшеніи юридико-государственной области съ нравственно-духовною. Сравнивая значенія страданій, возлагаемыхъ Богомъ на людей, съ дѣйствіемъ государственныхъ карательныхъ мѣръ, Августинъ забывалъ, что нравственно-очистительное вліяніе страданій на жизнь людей происходитъ отъ того, что страданія приводятъ человѣка къ убѣжденію въ своей собственной несостоятельности, уничтожаютъ въ немъ ложное самодовольствіе и самонадѣянность и побуждаютъ его вслѣдствіе того обратиться духовно къ высшему, стоящему внѣ его, началу, т. е. къ Богу; между тѣмъ какъ страхъ предъ карательными мѣрами государства, не затрогивая духовной жизни людей, можетъ только побудить ихъ или къ воздержанію отъ какого

либо внѣшняго дѣйствія, воспрещаемаго государствомъ, или къ исполненію какого либо внѣшняго дѣйствія или обряда, предписываемаго государствомъ и находящагося въ противурѣчій съ ихъ внутреннимъ убѣжденіемъ. Такимъ образомъ страхъ гражданскаго наказанія (безъ нравственныхъ мѣръ исправленія) не только не перерождаетъ человѣка внутренно, не только не вызываетъ въ немъ истиннаго благочестія, какъ въ этомъ сознавался и самъ Августинъ, но часто побуждаетъ его прямо къ лицемѣрію, т. е. ведетъ еще къ усиленію нравственнаго зла.

Теорія Августина, какъ мы видимъ, явилась послѣ факта. Преслѣдованія и карательныя понужденія происходили и до него; теорія Августина послужила только, такъ сказать, для успокоенія совѣсти христіанъ, не могшихъ не сознавать разлада между основными идеями христіанскаго ученія и понятіемъ внѣшняго насилія въ духовныхъ дѣлахъ. И безъ этой теоріи начало насилія продолжало бы вѣроятно развиваться въ христіанствѣ подъ вліяніемъ разныхъ благопріятныхъ ему условій того времени. Но несмотря на то, нельзя не признать, что теорія Августина, прикрывая зло, нанесла христіанской жизни существенный вредъ, такъ какъ она послужила исходною точкою той пагубной системы, которая выразилась въ безграничномъ духовномъ деспотизмѣ, въ крайней нетерпимости и наконецъ въ учрежденіи инквизиціи.

По мѣрѣ усиленія прилива къ церкви новыхъ полудикихъ народныхъ элементовъ, вслѣдствіе обращенія въ христіанство цѣлыхъ массъ разныхъ варварскихъ племенъ, система насильственной охраны единовѣрія все болѣе и болѣе усиливается и распространяется; вмѣстѣ съ тѣмъ протесты противъ нея въ средѣ церкви все болѣе становятся рѣдкими исключеніями и наконецъ совершенно замолкаютъ. Теорія насилія получаетъ на многіе вѣка уже никѣмъ ни оспариваемое господство въ жизни всего христіанскаго общества.

Насильственное огражденіе не спасло однако единства церкви ¹⁾.

¹⁾ Еще до окончательнаго отдѣленія Западной Церкви отъ Восточной единство христіанской вѣры жестоко страдало отъ безчисленныхъ ересей и расколовъ. Въ вышеприведенной исторической статьѣ о свободѣ совѣсти, принадлежащей кажется покойному Іоанну Смоленскому и помѣщенной въ Христ. Чтеніи 1864 и 1865 годовъ, послѣ характеристики положенія церкви IV столѣтія, авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ главную причину того жалкаго положенія, въ которое пришла церковь, которая по словамъ Василія Великаго походила уже «на старую одежду, которая при всякомъ случаѣ легко рвется и не можетъ опять придти

Въ восточной церкви система гражданскаго вѣдѣтельнаго и вѣдѣннаго огражденія, хотя и продолжала дѣйствовать, но Провидѣнію угодно было предохранить православную церковь отъ полнаго логическаго развитія этой пагубной системы и отъ возведенія ея въ силу догмата; начало вѣдѣнной охраны оставалось и остается до настоящаго времени въ православной церкви, какъ примѣсъ человѣческаго несовершенства, не искажая по крайней мѣрѣ основныхъ истинъ ея вѣры.

Напротивъ того на западѣ, въ средѣ римскаго католицизма это печальное начало, ничѣмъ не стѣсняемое, получило полное логическое развитіе, дошедши до послѣднихъ предѣловъ, какъ въ самомъ примѣненіи его на практикѣ, такъ и въ признаніи его на догматической почвѣ (почти въ качествѣ основнаго начала церкви).

Когда въ XVI столѣтіи въ Европѣ проявилось религіозное движеніе, получившее характеръ протеста противъ злоупотребленій папизма, римская церковь вступила съ нимъ въ безпощадную борьбу, обращая противъ послѣдователей реформы, которая распространилась въ средней и южной Европѣ, огонь и мечъ, не столько въ качествѣ духовнаго, сколько въ видѣ вещественнаго оружія. Гоненія достигли ужасающихъ размѣровъ; люди гибли сотнями и тысячами. Костры инквизиціи въ Испаніи, Италіи и Нидерландахъ, варооломеевская ночь во Франціи, ужасныя казни въ Прагѣ послѣ роковой битвы на Бѣлой-Горѣ, возстановили нарушенное господство католицизма въ значительной части Европы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всякое уваженіе къ свободѣ совѣсти и мысли окончательно искоренилось въ сознаніи людей.

Такъ напр. болѣе вѣка спустя, когда мѣстная церковь во Фран-

въ первоначальную твердость — «не столько ереси, не столько ослабленіе христіанскихъ правовъ, сколько то, что было причиною и усиленія ересей и ослабленія правилъ: вліяніе на церковь гражданской власти. Вліяніе этой власти было неправильно и неограниченно. Она-то вынесла въ церковь свой духъ, т. е. духъ міра, со всѣми его слабостями, страстями, цѣлми; она не только слила церковь съ гражданскимъ обществомъ, во вредъ ея чистому духу, но и поработила ее обществу; въ высшей власти церкви явились рабство и трусливость предъ чиновначаломъ гражданскимъ; въ іерархіи выдѣрился злобный и всегубительный духъ интригъ ко взаимному вреду ея членовъ..... Мало по малу право государственное, вопреки всякой справедливости, возвысилось и воспреобладало надъ церковнымъ; дѣла вѣры и совѣсти перестали быть исключительно духовными, а перепутавшись съ гражданскими, сдѣлались государственными; а что всего ужаснѣе, личный характеръ преобладающей власти пріобрѣлъ вліяніе на самую догматическую сторону церкви.... То, чего не могла сдѣлать языческая власть всевозможными насиліями, т. е. ослабить, унижить христіанство, то христіанская власть безъ особеннаго труда сдѣлала — своими услугами ему.»

ціи находилась въ борьбѣ съ папствомъ за галликанскія права, она даже не пыталась поддерживать послѣднія на началахъ общей вѣротерпимости, напротивъ того она не переставала поощрять правительство къ преслѣдованію протестантизма (*de la religion prétendue réformée*). Воссюэ, одинъ изъ главныхъ защитниковъ галликанизма, пишетъ въ своемъ сочиненіи: „*Politique tirée des propres paroles de l'Écriture Sainte*“ (сочиненіе это было предназначено въ руководство при обученіи наслѣдника престола) слѣдующее: „*ceux qui ne veulent pas souffrir que le prince use de rigueur en matière de religion, parceque la religion doit être libre, sont dans une erreur impie*“ („тѣ, которые не допускаютъ, чтобъ государственная власть дѣйствовала въ области религіи, пребываютъ въ нечестивомъ заблужденіи“).

Наконецъ, что поразительнѣе всего, сама реформа Лютера и Кальвина, возникшая на почвѣ свободы убѣжденія и рacionalesно объяснимая только на основаніи началъ свободы совѣсти, даже и она была пропитана духомъ нетерпимости и преслѣдованія.

Раньше всего и самымъ крайнимъ образомъ право преслѣдованія и понужденія въ дѣлахъ совѣсти было признано въ церковномъ управленіи Кальвина. Въ изданныхъ имъ: „*Ordonnances ecclésiastiques de l'église de Genève*“, хотя за церковью и не признавалось права примѣнять внѣшнія мѣры понужденія и каранія, но за то эта обязанность возлагалась по порученію церкви на государство, „которое не должно терпѣть появленія ложныхъ ученій, заражающихъ христіанское общество“. Въ силу этого начала католики подвергались изгнанію, а реформаты, не принимавшіе безусловно вѣроисповѣданія (*Confession de Foy*), провозглашеннаго для жителей женевской республики, подвергались, наравнѣ съ преступниками, пыткѣ, наказаніямъ и даже смертной казни; извѣстно, что Серве былъ сожженъ на кострѣ.

Система внѣшнихъ понудительныхъ мѣръ вскорѣ проникла и въ лютеранскую церковь, выставившую первоначально знамя свободы совѣсти, съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣшательство государства въ дѣла духовнаго убѣжденія было допущено не въ видѣ исполненія порученія церкви, а въ качествѣ самостоятельнаго акта главы государства, признававшагося главою мѣстной церкви и блюстителемъ единства въ вѣроученіи.

Въ началѣ своей реформаторской дѣятельности, Лютеръ прямо порицалъ всякое насиліе въ дѣлахъ вѣры. „Богъ одинъ, писалъ онъ, властвуетъ надъ душою и никому этой власти не

передаетъ. Дѣло вѣры—свободное дѣло, и никто къ нему понудить не можетъ. Вотъ почему, когда свѣтская власть дерзаетъ предписывать законы душѣ, она вмѣшивается въ дѣло божескаго правленія и тѣмъ соблазняетъ и портитъ души. Богъ одинъ сердцеѣдецъ, вотъ почему и невозможно и тщетно предписывать кому либо или насильственно понуждать кого либо вѣровать такъ или иначе.“

Въ другомъ мѣстѣ Лютеръ пишетъ: „Еретиковъ слѣдуетъ побѣждать не огнемъ, а писаніями, подобно тому какъ дѣйствовали Отцы церкви. Еслибы все искусство состояло въ побѣжденіи еретиковъ огнемъ, то палачи были бы ученѣйшіе доктора на землѣ и намъ излишне было бы учиться (studieren), и слѣдовало бы просто тому, кто побѣдитъ другаго силою, сжигать противника. Ересь дѣло духовное (Ketzererei ist ein geistlich Ding); ее нельзя ни желѣзомъ изрубить, ни огнемъ сжечь, ни въ водѣ потопить. Увѣщивайте еретиковъ, не пускайте ихъ на кафедры, чтобы каждый могъ видѣть въ нихъ вредныя плевели и могъ бы, по словамъ Апостола Павла, избѣгать еретика; но Апостолъ не говоритъ, чтобы слѣдовало убивать еретиковъ.“

Но самъ Лютеръ не долго оставался на этой почвѣ. Уже нѣсколько лѣтъ спустя въ письмѣ, написанномъ по поводу такъ называемой *Кур-саксонской-визитаціи*, онъ признаетъ за свѣтскою властію право противудѣйствовать розни въ ученіи (in der Lehre), для предупрежденія разлада въ церкви, подобно тому, „какъ императоръ Константинъ не хотѣлъ и не могъ терпѣть разлада, вызваннаго Аріемъ въ средѣ христіанства, и призвавъ епископовъ въ Никею, побудилъ ихъ къ пребыванію въ единеніи ученія и вѣры.“

Еще далѣе пошелъ Меланхтонъ, утверждая, что правительство, носящее мечъ, должно воспрещать ереси, т. е. безбожныя ученія, а виновниковъ ересей наказывать. Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо утверждаетъ, что окончательная цѣль государства заключается въ установленіи (Herstellung) истиннаго богопознанія въ человѣческомъ обществѣ. На этомъ основаніи онъ признавалъ гражданскую власть „стражемъ обѣихъ скрижалей закона“.

Замѣчательно, что оба реформатора имѣли (какъ бы) предчувствіе той опасности, къ которой должно было привести подобное смѣшеніе властей въ рукахъ государства. „Я уже предвижу“, пишетъ Меланхтонъ, жалуясь на то, что не удалось сохранить епископальной власти — „какую церковь мы обречемъ послѣ

уничтоженія церковнаго учрежденія (Verfassung). Я предвижу въ будущемъ гораздо худшую тиранію, чѣмъ когда либо существовавшую.“ Съ своей стороны Лютеръ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „сатана всегда останется сатаной, подъ властію папы онъ вдвинулъ церковь въ государство, а въ наше время онъ силится вдвинуть государство въ церковь.“

Съ теченіемъ времени начало внѣшней насильственной охраны, возлагаемой на обязанность государства, все болѣе и болѣе укоренилось въ протестантизмѣ. Въ прусскихъ церковныхъ постановленіяхъ XVI-го столѣтія, въ которыхъ глава государства признается охранителемъ чистоты ученія (Schirmherr der Reinheit der Lehre), прямо высказано, что, точно также какъ нельзя допускать отравленія колодезь, нельзя допускать и отравленія душъ. Мало по малу глава государства изъ охранителя чистоты ученія превращается какъ бы въ собственника религіи, на основаніи возникшей въ то время теоріи: *cujus regio ejus religio* (чье царство, того и религія), — такимъ образомъ религіозныя убѣжденія подданныхъ должны были обусловливаться вѣрою, исповѣдуяемою главою государства. Трудно вообразить, къ чему должно было привести на практикѣ примѣненіе подобнаго начала, особенно въ странѣ разбитой на мелкія владѣнія, постоянно переходившія, вслѣдствіе нескончаемыхъ войнъ, изъ рукъ въ руки, отъ католическихъ государей къ лютеранскимъ, отъ лютеранскихъ къ кальвинистскимъ, и т. д. Гефкенъ, у котораго мы заимствовали вышеприведенныя свѣдѣнія, описываетъ въ своемъ сочиненіи ¹⁾ положеніе дѣлъ въ протестантской Германіи въ концѣ XVI вѣка слѣдующими словами: „между тѣмъ какъ богословы считали своимъ правомъ громить съ кафедры не только кальвинистовъ, но даже тѣхъ единовѣрцевъ, которые отстаивали какое либо самостоятельное мнѣніе, до того что они упрекали даже въ синкретизмъ и въ опустошеніи Христова стада извѣстнаго лютеранина Іоганна Аридта, только потому, что онъ настаивалъ въ своемъ сочиненіи „Истинное христіанство“ (Wahres Christenthum) на необходимости святаго образа жизни (heiliger Wandel), въ средѣ народа распространялись грубость, суевѣріе и порча нравовъ. Проповѣдники не стыдились возбуждать народъ противъ такъ называемыхъ лжеучителей, по поводу такихъ тонкостей въ различіяхъ мнѣній, которыя для насъ становятся почти

¹⁾ Staat und Kirche. Berlin. 1875.